

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРАВЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРАВЕ НА САМОБЫТНОСТЬ

В современных условиях особое звучание приобретают коллективные права этнических общностей. Именно они позволяют этническим сообществам сохранять себя как специфические этнокультурные общности, а государству — эффективнее регулировать этносоциальные отношения. Российское законодательство наделяет правом на самобытность коренные народы и меньшинства, а не все этнические общности, и вовсе не содержит права на национальную идентичность. Исследовав природу этого явления и используя существующие в международном праве положения, автор предлагает свою формулировку права на национальную идентичность.

М. Napso

RIGHT TO NATIONAL IDENTITY AND ORIGINALITY ACCORDING TO THE RUSSIAN LEGISLATION

Nowadays collective rights of ethnic communities are acquiring greater importance. They make it possible for ethnic communities to remain as specific ethnocultural societies and exercise more effective state regulation of ethnosocial relations. Legislation of Russia gives the right to originality to aboriginal nations and minorities, but not to all types of ethnic communities, besides it does not contain the right to national identity at all. The author of the article proposes her own wording of the right to national identity on the basis of the essence of national identity and international law provisions.

Давно предрекают, что в условиях глобализации, сопровождающейся постепенным распадом национальных сообществ, фрагментацией культурных пространств, государство неизбежно отойдет от нацио-

нальных нарративов, разорвется тесная связь между государством и национальным фактором, и сфера существования национального сузится до поля культуры. Однако происходящие в мире события свиде-

тельствуют об обратном — об «этническом» буме, росте интереса к локальным идентичностям. Складывается парадоксальная ситуация: в сегодняшнем мире этническая и национальная идентификации приобретают черты наиболее важных и значительных тенденций, являясь центральной темой жизни социума (особенно в сложные периоды его развития), главной социальной категорией, но современное законодательство открыто игнорирует эту реальность. Наиболее остро в этом смысле стоит вопрос о защите коллективных прав этнических общностей в целом и национальной/этнической идентичности. И проблема не только в том, что это понятие сложно переложить на язык права, хотя и в этом тоже.

Обратимся к Конституции РФ 1993 г. Она содержит около пятидесяти статей, посвященных правам человека. Широко представлен и правовой статус индивидуальных идентичностей: основы гражданской идентичности закреплены в ст. 6, широкие возможности в выборе национальной и языковой идентичности гарантированы ст. 26. Права и свободы на обладание и реализацию таких форм идентичностей, как конфессиональная, территориальная, коллективистская, имущественная, профессиональная, семейная, гендерная, признаются в ст. 28, 27, 30, 8, 9, 36, 37, 38. Фундаментальной нормой, одновременно гарантирующей не менее десятка идентичностей, является ст. 19 Конституции РФ¹. Чего не скажешь о регламентации прав народов и их этнической идентичности: текст Конституции РФ содержит нормы, лишь позволяющие думать о правах народов. Так, слово «народ» используется главным образом в значении населения РФ («многонациональный народ Российской Федерации»), право на самоопределение приведено как общепризнанный принцип в преамбуле, право на этническую самоидентификацию изложено лишь как право индивида в ст. 26, национальные меньшинства и этнические общности упоминаются в ст. 71 и 72, где определяются предметы ведения РФ и совместного веде-

ния РФ и субъектов РФ: «В ведении Российской Федерации находятся:...в)...регулирование и защита прав национальных меньшинств...» (ст. 71); «В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся:...б)...защита прав национальных меньшинств...; м) защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей...» (ст. 72). Кроме того, что РФ гарантирует «права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ»² (ст. 69), четко сформулировано одно лишь право — право народов на сохранение родного языка, при этом создание условий для его изучения и развития гарантируется государством (ст. 68).

Итак, в Конституции РФ нашли отражение лишь права коренных малочисленных народов и национальных меньшинств. Хотя известно, что качественная разработанность института коллективных этнических прав создает прочную основу для легитимации отношений между государствами и населяющими их народами. Другим фактором, способствующим этому, является оптимальное соотношение прав человека и прав народов, взаимодополнение индивидуальных и коллективных прав, но и эта проблема все еще остается трудноразрешимой.

Чтобы наглядно проиллюстрировать, что такое правовое регламентирование вовсе не соответствует масштабности самого феномена национальной идентичности, необходимо хотя бы кратко его охарактеризовать. Национальная идентичность в восточном (этническая) и в западном (гражданская) понимании имеет ряд общих фундаментальных черт: «историческая легитимность занимаемой территории; совокупность легенд и традиций в качестве опоры коллективной идентичности; опыт общественной жизни и правовой культуры, придающий каждому сообществу его институциональную конфигурацию; и наконец, развитие экономической системы,

позволяющей опознать сообщество и его членов в их отношениях с внешним миром»³. То есть она включает, помимо привычной культурной, религиозной составляющих, и исторический, территориальный, экономический, правовой компоненты. Поэтому право народа на национальную идентичность не следует понимать исключительно как уважение к его культурному и языковому своеобразию.

В этом смысле представляет интерес практика регионального управления и «Устав об управлении сибирскими инородцами» М. М. Сперанского, российского государственного деятеля и реформатора первой половины XIX в. К проблеме улучшения управления Сибирью он подошел, во-первых, комплексно (с точки зрения административно-территориального устройства, системы управления, развития экономики, обеспечения единства государства и безопасности его границ); во-вторых, основываясь на региональных особенностях не только Сибири в целом, но и отдельных ее частей; в-третьих, крайне осмотрительно, особенно, когда речь зашла об административной реформе. Ее главную задачу он видел в том, чтобы «вводить новый порядок постепенно и по мере местных способов, не разрушая старого», поэтому она представляла собой «более план к постепенному образованию Сибирского управления, нежели внезапную перемену»⁴. Благодаря этому, реформа М. М. Сперанского соединила в себе административно-территориальное устройство с продуманной организацией местного самоуправления в формах, традиционных для тех или иных народностей (крестьянские волости и общества, улусы, родовые управления).

Руководствуясь прогрессивной для того времени идеей постепенного уравнивания положения большинства коренных народов Сибири и русской части населения, М. М. Сперанский осуществлял реформирование на основе следующих принципов: 1) учет *хозяйственных особенностей* народностей, которым следовало лишь

придать организованный характер; 2) сохранение *традиционного* родового принципа управления для кочевых народов и приравнение родового управления к существовавшей тогда схеме имперского управления государственными крестьянами; 3) наделение органов управления коренным населением *независимостью и автономией* во взаимоотношениях с российской администрацией, а также правом руководствоваться в своей деятельности *нормами обычного права*; 4) передача в ведение органов управления коренным населением обязанности следить за *хлебопашеством, пастьбищами*, переписью населения, охранять свободу *торговли и промысла* с целью оградить коренное охотничье-промысловое население от злоупотреблений русских купцов-монополистов, пресечь незаконную торговлю запрещенными товарами и самостоятельные торговые операции купцов; 5) предоставление сибирским инородцам земельных владений не только в размере не меньше наделов государственных крестьян, но и не в частную собственность, а в *«вечное» пользование*, что резко сужало поле для приобретения государственных земель путем различных махинаций; 6) провозглашение *свободы вероисповедания*, запрет на насильственное навязывание христианства; 7) разрешение на *создание национальных школ* с преподаванием на родном языке, отсутствие запрета на обучение детей инородцев в русских школах⁵. Несмотря на тот факт, что в данном случае речь идет о защите прав коренных народов, этот пример позволяет наглядно проиллюстрировать и дать вполне точное представление о том, что подлежит защите: территория, традиционные формы хозяйствования и управления, культура, т.е. то, что лежит в *основе жизненной формулы*, предопределяющей *образ жизни*. Это же, несомненно, входит в сферу этнонациональных интересов и объемлется понятием этнической/национальной идентичности.

Этническую/национальную идентичность невозможно определить посредством простого перечисления признаков: терри-

тория, язык, национальные ценности, история, национальный характер, образ жизни, традиции — и даже как их совокупность. Действительно, основанием национальной идентичности служит: «единство *территории* (месторазвития), *истории*, образующей источник коллективной культурной памяти, и *ценностной нормативной системы*, служащей ориентиром группового и индивидуального поведения... — иначе говоря, «закон *трех единств*, образующих коллективную идентичность народа»⁶. Но в своей сущности этническая/национальная идентичность представляет собой глубоко укорененную духовно-нравственную систему, естественно ощущаемую во всех сферах, пластах национальной жизни — от экономической до культурной. Это не есть даже относительно самостоятельная категория — национальная идентичность является таковой, только когда она присутствует во всем, все собой пронизывает и охватывает.

Поэтому право на этническую/национальную идентичность нельзя представить просто как совокупность прав: право свободно распоряжаться национальным богатством и природными ресурсами, право на самоопределение, право на традиционные формы управления, право на целостность и этническую солидарность, право на сохранение культурной самобытности, развитие национальной культуры и т.д. Речь должна идти о праве на самобытное существование и сообразное ему собственное развитие — экономическое, политическое, социальное, культурное.

Коллективное право на самобытное существование есть нечто иное, чем то, что принято называть правами человека, связанными с этнической самоидентификацией, предоставляющими возможность самому гражданину в соответствии с его самосознанием соотносить себя с определенной национальностью и не допускающими принуждения к определению и указанию индивидом национальной принадлежности (как, в частности, это право сформулировано в ст. 50 Конституции Республики

Беларусь или ст. 13 Конституции Словацкой республики 1992 г.). Оно должно содержать в себе несколько моментов. Во-первых, это право на собственное развитие. Во-вторых, это право на развитие, основанное на учете этнонациональной самобытности, что предполагает сохранение жизненно важных основ жизнедеятельности, взаимоотношений друг с другом, другими народами, окружающей средой. В-третьих, право на развитие подразумевает и право на целостность народа. В-четвертых, это «равноправие самобытностей» в атмосфере толерантности, признание их равной ценности и самоценности общечеловеческого культурного наследия и наличие свободного доступа к ним. В-пятых, право индивида на этническую/национальную идентичность и его право сохранять и укреплять этнонациональные ценности должно сочетаться с правом на самоидентификацию и обязанностью ценить и уважать культурные ценности других народов. При этом индивид не должен претерпевать неудобства, страдания и лишения в результате реализации и нереализации им этого права. И, наконец, в-шестых, на государство должна быть возложена обязанность по обеспечению коллективного или индивидуального права на этнонациональную непохожесть.

Исходя из этого, право на этническую/национальную идентичность может быть сформулировано как единство коллективного и индивидуального права следующим образом: «1. Все народы в целях самосохранения, обеспечения целостности и единства имеют право на собственное экономическое, социальное и культурное развитие в соответствии со свободно осуществленным выбором и с учетом своей самобытности при обеспечении равноправного доступа к общечеловеческому культурному наследию и признании самобытности других народов. 2. Право на собственное самобытное существование и развитие осуществляется без ущерба для прав других народов и прав человека и с учетом интересов общества, нации и государства и направлено на защиту

этнонациональных интересов и на развитие и укрепление взаимного уважения и терпимости. 3. Каждый человек имеет право на самоидентификацию, свободное определение своей этнокультурной принадлежности и на свободное развитие на этой основе и осуществляет это право без ограничения доступа к общенациональным, цивилизационным и общечеловеческим ценностям и без ущерба права других на самоидентификацию и саморазвитие. 4. Каждый человек имеет право сохранять и укреплять единство и целостность своего народа, его культурные ценности с проявлением должного уважения к культурным ценностям других народов. 5. Реализация права на этническую принадлежность и идентификацию не должна никому причинять ущерб, равно как и должна осуществляться без ущерба для других. Никто не должен страдать в результате осуществления или неосуществления им этого права. 6. Государство обязано обеспечить индивидуальное или коллективное право на самобытное существование и развитие». Нам представляется, что в таком виде право на национальную идентичность более или менее соответствует характеру самого явления. Если говорить о международном праве, то более удачную формулировку права на самобытное существование и собственное развитие содержит, на наш взгляд, ст. 22 Африканской хартии прав человека и народов: «1. Все народы имеют право на собственное экономическое, социальное и культурное развитие с должным учетом своей свободы и самобытности и при равноправном доступе к общему наследию человечества. 2. Государства обязаны индивидуально или коллективно обеспечивать право на развитие». При этом в п. 1 ст. 20 сказано, что народы свободно «осуществляют свое экономическое и социальное развитие в соответствии с политикой, которую они свободно избрали»⁷, что объемлет уже правом на самоопределение.

К сожалению, пока российское законодательство не содержит и намека на возможность такого подхода в вопросе защи-

ты этнонациональных интересов. Равно как и посредством института коллективных прав этнических общностей. Для многонациональной России, где этнический фактор исторически оказывает самое серьезное влияние и порождает большое количество проблем, отсутствие собственной правовой базы в области прав народов (особенно ее конституционных основ) более чем странно. Ведь речь идет не просто о смещении акцента с групповой идентичности на личностную. Проблема в том, что, обеспечивая коллективные права этнических общностей (групповые права), государство оказывает целенаправленное воздействие на социальные, этносоциальные, межэтнические связи и отношения, на процессы формирования и функционирования этнонациональной идентичности.

В России, как и во всем мире, на проблему прав этнических общностей смотрят с точки зрения философии западничества: национальность признается не в силу ее самоценности, а потому что она преследуема, угнетаема, унижена и т.п. Поэтому, в частности, субъектами права на самобытность в российском праве, которое восприняло общепринятый в международном праве подход, являются коренные народы и меньшинства. Хотя в Конституции РФ мы не найдем упоминания о праве на самобытность (равно как и самого понятия «самобытность») даже в связи с правами меньшинств и коренных народов, если не считать ст. 69, закрепляющей право народов на сохранение родного языка, что вряд ли можно рассматривать как полноценное право на самобытность. В Законе РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999) право на самобытность сформулировано как «право лиц, относящихся к малочисленным народам, на сохранение и развитие своей самобытной культуры». И распространяется оно, во-первых, на представителей народов, «проживающих на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющих традиционные образ жизни, хо-

зяйствование и промыслы, насчитывающих в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающих себя самостоятельными этническими общностями», во-вторых, на тех из них, которые постоянно проживают в местах традиционного расселения и хозяйственной деятельности, ведут традиционный образ жизни, осуществляют традиционное хозяйствование и занимаются традиционными промыслами (в том числе и как подсобными видами деятельности по отношению к основному виду деятельности). В Законе РФ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2001), распространяющемся на ту же категорию лиц, сохранение и развитие культуры малочисленных народов названы среди основных целей наряду с защитой исконной среды обитания, традиционного образа жизни и сохранением на территориях традиционного природопользования биологического разнообразия (причем определяются эти территории с учетом необходимости сохранения исторически сложившихся социальных и культурных связей лиц, относящихся к малочисленным народам, и целостности объектов историко-культурного наследия). Это указывает на их неразрывную связь, хотя и не говорит о праве народов на самобытность как таковом. В соответствии с Законом «О национально-культурной автономии» (1996) национально-культурная автономия представляет собой правовой механизм реализации национальными меньшинствами права на самобытность посредством создания «объединения граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры». Содержание этого закона позволяет судить об

особенностях регламентации российским законодательством права на самобытность:

- оно призвано защищать культурные интересы этнических общностей, находящихся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории;
- его реализация предполагает свободное волеизъявление граждан при отнесении себя к определенной этнической общности, сочетание общественной инициативы с государственной поддержкой; уважение языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей;
- включает в себя конституционно закрепленное право на сохранение, развитие национального (родного) языка, свободу выбора и использования языка общения, воспитания и обучения и право на сохранение и развитие национальной культуры⁸.

Не останавливаясь на содержании иных федеральных законов (Закона РСФСР «О языках народов Российской Федерации», Закона РФ «Об образовании», Закона РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», Закона РФ «Об объектах культурного наследия» и др.), в той или иной мере регламентирующих право на самобытность, заметим, что российское законодательство признает его главным образом за коренными народами, меньшинствами и этническими группами, проживающими за пределами своих национально-культурных образований или не имеющими их на российской территории и желающими сохранить свою самобытность. В таком случае неизбежно возникает вопрос, почему в условиях приоритета индивидуальных прав коренные народы и меньшинства наделены *коллективным правом на самобытность*, почему международным правом, в конце концов, было признано, что института индивидуальных прав недостаточно для эффективной защиты их интересов. Причина особенности положения коренных народов и меньшинств — в высокой вероятности рисков дискриминации в отношении них и в реальной опасности их ассимиляции в доминирующем обще-

стве. Кроме того, маятник этнической активности, как правило, приводится в движение недовольством именно таких этнических групп, которым свойственна в силу вышеназванных причин большая этническая тревожность, большой уровень ксенофобии и интолерантности. Поэтому привилегии для них всегда имеют заведомо компенсационный характер⁹.

Однако при всей важности проблемы обеспечения прав меньшинств и коренных народов заметим, что сейчас речь должна идти уже о всестороннем развитии этниче-

ского потенциала (в особенности духовного) всех этнических общностей. Современные этнонациональные процессы, характеризующиеся постоянным ростом групп, осознающих себя в качестве своеобразных этнических единиц и выдвигающих особые социальные, политические и культурные требования, с необходимостью требуют признания значимости коллективных прав этнических общностей. Ведь именно они позволят, воспользуемся терминологией К. Цюрхера¹⁰, многим «безгласым» группам быть услышанными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Губогло М. Н. К изучению идентичностей. Вопрос теории // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. — М., 1999. — С. 280–282.

² Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под общей ред. Б. Н. Топорина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. — М., 1991. — С. 328, 336, 352.

³ Росалес Х. М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом // Политические исследования. — 1999. — № 6. — С. 100.

⁴ Сперанский С. И. Практика регионального управления М.М. Сперанского (1816–1821 гг.) // Государство и право. — 2003. — № 5. — С. 83.

⁵ Там же. — С. 81.

⁶ Панарин А. Искушение глобализмом. — М., 2003. — С. 136, 137.

⁷ Африканская хартия прав человека и народов и права человека по-южноафрикански. — М., 1998. — С. 86–87.

⁸ Закон РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999) // <http://www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=O&nd=901732262&prevDoc=901880831>; Закон РФ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2001) // http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_24753/html; Закон РФ «О национально-культурной автономии» (1996) // <http://wbase.duma.gov.ru/nts/vdoc/asp?kl=2355>.

⁹ Паин Э. А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. — М., 2003. — С. 23–24.

¹⁰ Цюрхер К. Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания // Политические исследования. — 1999. — № 6. — С. 108.